

УДК 327:323

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ – ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ?¹

Горюшина Е. М.¹, Поцелуев С. П.²

*Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.*

Email: ¹esherder@gmail.com; ²potseluev@sfedu.ru

Социальный протест рассматривается в качестве показателя политической нестабильности. В таком ключе он был изучен многими исследователями, связывающими различные факторы формирования протестного потенциала. В статье показаны основные подходы к изучению протеста как неотъемлемого компонента развития политической нестабильности в условиях второй волны массовых выступлений в Арабской Республике Египет в 2013 г., нашедших поддержку среди египетских военных. Силовой разгон лагерей сторонников М. Мурси вызвал шквальную реакцию в форме многочисленных протестов исламистов и им сочувствующих по всей территории Египта. В работе сделано допущение о трансформации протеста в инструмент снижения напряженности, что было рассмотрено на примере массового митинга в г. Грозном (Чеченская Республика) против преследования мусульман Мьянмы. При этом объективная оценка количества участвующих и в Египте и в Чечне весьма затруднительна. Оба примера демонстрируют противоположные функции протеста, но в схожих традиционных обществах с доминирующей ролью религиозного фактора. Если массовые протесты в Египте 2013 г. являются классическим индикатором разрастания политической нестабильности, то митинг в Грозном в поддержку мусульман Мьянмы 4 сентября 2017 г. представляет собой типичный пример ритуализации политической агрессии. Как и в случае с массовыми протестами в Египте летом 2013 г., в чеченском митинге ключевую роль сыграли социальные сети, благодаря которым информация о планирующейся акции распространилась мгновенно. В обоих случаях протест сыграл роль политического инструмента, с помощью которого возможно легко перефокусировать внимание мирового сообщества с наиболее важных событий на события менее значимые.

Ключевые слова: социальный протест, политическая нестабильность, Египет, Чечня, социальная напряженность, политический ислам.

Начиная с последней декады XX в. протесты трансформировались в полноценный манипулятивный инструмент современной политики, который может быть использован различными заинтересованными акторами в своих целях. Протесты предпочтительнее краткосрочной войны благодаря мобилизации больших

---

¹ Статья выполнена в рамках реализации работ по теме НИР ЮНЦ РАН «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» в рамках Государственного задания на 2018 г. (№ 0256-2018-0013, № госрегистрации АААА-А16-116012610051-6).

масс населения, высокому уровню организации, малых финансовых затрат (по сравнению с войной), моментальному вовлечению обширного круга СМИ и общественных организаций [1].

Современные массовые демонстрации как одна из форм протеста сочетают как ненасильственные, так и силовые элементы гражданского неповиновения. Подобной комбинации, как правило, сопутствует мгновенное распространение информации (с помощью мобильной связи и социальных сетей), что лишь усиливает общественный резонанс [2] и приводит к разрастанию политической нестабильности. При этом объективная оценка количества участвующих в них весьма затруднительна. Если в 1908 г. в Великобритании суфражистки вывели на массовый протест в Гайд-парк более полумиллиона человек, то во время протестов в июле 2013 г. по всему Египту количество протестующих превысило 35 млн. чел. (согласно Центральному агентству общественной мобилизации и статистики Арабской Республики Египет) [3].

Протесты выполняют важную функцию (в сравнении с вооруженным конфликтом), заключающуюся в отражении социально-политических настроений. Ряд политологических и социологических источников рассматривают социальный протест и его различные формы в тесной взаимосвязи с политической нестабильностью в качестве одного из ее компонента наряду с конфликтом, терроризмом, массовыми беспорядками, переворотом и др.

Американский исследователь Джеймс Буткевич и турецкий ученый Халит Яниккая описывают политическую нестабильность как многокомпонентное явление, включающее стабильность правительства, общественные беспорядки и политическое насилие. Они утверждают, что разнообразие мер и элементов, используемых в различных исследованиях, делает результаты измерения самого явления политической нестабильности несопоставимыми [4]. Ученые также отмечают, что отдельные составные элементы изучаемого явления чаще других находят отражение в социально-политической действительности, в частности, в революциях, переворотах и убийствах.

В своей работе авторы приходят к классификации 17 показателей политической нестабильности, среди которых протесты занимают одну из важнейших позиций, что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Показатели политической нестабильности (по Д. Буткевич и Х. Яниккая)

Стабильность правительства	Социальная стабильность	Политическое насилие
Перевороты	Риски внешнего конфликта	Политические протесты
Революции	Риск гражданской войны	Убийства
Перестановки в кабинете министров	Политический терроризм	Политические «чистки» (репрессии)

Антиправительственные демонстрации	Расовая и национальная напряженность	Смерть в результате политического насилия
Правительственный кризис		Массовые беспорядки
		Всеобщие забастовки
		Военные потери
		Война (на территории государства)

Источник: [4, С. 633]

На первый взгляд, ряд показателей, обнаруженных в условиях политического насилия, может быть отнесен к категории социальной стабильности (в частности, забастовки, беспорядки, протесты), что ставит под вопрос целесообразность подобной категоризации. Тем не менее, данная категория представляет собой комплексный обзор различных мер и подчеркивает проблему неоднозначности выделения показателей политической нестабильности в целом.

Ученый Ричард Хонг-а-Пин из Гронингенского университета (Нидерланды) рассматривает многомерность политической нестабильности и выделяет четыре основных ее компонента: 1) политически мотивированное насилие; 2) массовый гражданский протест; 3) нестабильность *внутри* политического режима; 4) нестабильность политического режима. В своем исследовании Хонг-а-Пин использовал факторный анализ посредством выборки 25 показателей политической нестабильности [5].

Аналогичный способ измерения политической нестабильности использовался британским ученым Дэвидом Сандерсом в 1981 г., который во главу угла поставил взаимосвязи различных форм проявлений социальной протестности и смены политического режима. Как и Хонг-а-Пин, автор выделил четыре базовых компонента политической нестабильности: 1) вызовы режиму или правительству с применением оружия; 2) мирные вызовы; 3) изменения политического режима; 4) изменения в правительстве [6]. В случае с первыми двумя показателями политической нестабильности могут возникнуть проблемы относительно количественного измерения режима, а последние два являются фактическими последствиями изменений этого режима. Хонг-а-Пин утверждает, что «третий компонент (нестабильность в рамках режима) явно означает не только фактические изменения, но и *будущий* потенциал изменений» [5, С. 26], приписывая тем самым прогностическую функцию этому элементу. Автор полагает, что в краткосрочной перспективе неизбежны изменения внутри правительства, если перед этим произошли изменения в режиме.

Сводная таблица сравнительного анализа подходов к изучению политической нестабильности Д. Сандерса и Р. Хонг-а-Пина представлена ниже (см. табл. 2).

Таблица 2. Подходы к изучению политической нестабильности (по Д. Сандерсу и Р. Хонг-а-Пину)

Д. Сандерс	Р. Хонг-а-Пин
Насильственные вызовы режиму или правительству	Политически мотивированное насилие
Мирные вызовы режиму или правительству	Массовый гражданский протест
Изменение политического режима	Нестабильность внутри политического режима
Изменения в правительстве	Нестабильность политического режима

Оба ученых выделяют практически идентичные составляющие политической нестабильности, а Р. Хонг-а-Пин фрагментирует это явление на две крайне схожие составные части – «нестабильность в политическом режиме» и «нестабильность [самого] политического режима». С учетом уточнений, сделанных им в отношении анализа Сандерса, очевидно, что Р. Хонг-а-Пин усматривает в четвертом компоненте последующие (неизбежные) перемены режима.

Продолжая рассуждение в русле анализа неотъемлемой роли протеста как индикатора политической нестабильности, следует обратиться к исследованиям профессора Гриффитского университета (Австралия) Фабрицио Карминьяни. Он утверждает, что общественно-политические волнения присущи в основном конфликтам этнолингвистической, религиозной, идеологической и экономической природы. Карминьяни разделяет широко представленную в иностранной научной литературе точку зрения, согласно которой высокий уровень социальных волнений негативно сказывается на стабильном функционировании рынка. Однако итальянский ученый видит в этом совершенно другие причины, нежели только отрицательное воздействие политической нестабильности, полагая, что именно социальный протест инициирует последующие политические изменения [7].

Массовые протесты в Египте летом 2013 г.: крах идеи политического ислама. Доказательством тезиса, что протест становится предтечей ключевых политических изменений, могут служить события 2013 г., когда Египет прочувствовал на себе вторую волну массовых протестов после начала «арабской весны». На этот раз протесты получили поддержку армии, что и явилось их важнейшим отличием от протестов 2011 г. [8].

Именно спустя два года после так называемой «революции 25 января» североафриканское государство испытало огромное разочарование сложившейся экономической и политической обстановкой в связи с уходом с поста президента Х. Мубарака. В египетском обществе укоренились такие явления, как *безработица* (в последнем квартале 2012 г. – 13%; она была угрожающей среди части населения **(до 78%)** с высшим или средним образованием) [9]; *сокращение золотовалютных запасов* с 36 до 13 млрд. долларов [10]; *зависимость экономики страны от туристической сферы*, сильно пострадавшей в результате событий 2011 г.;

обнищание населения (25,2% египтян находились за чертой бедности, т. е. 29,7 млн. чел. от всего населения в 84,7 млн. чел. [11]). С осени 2012 г. цены на некоторые продовольственные товары возросли вдвое, что крайне негативно сказалось на населении с фиксированными доходами. Перманентная политическая нестабильность с 2011 г. негативно сказывалась на общем имидже Египта в мировом пространстве, что в результате отпугнуло многих иностранных инвесторов.

Недовольство вышеперечисленными условиями и президентством М. Мурси подстегнуло выйти на египетские улицы в 2013 г. более трети населения страны. В результате произошел военный переворот, и власть перешла из рук М. Мурси и «Братьев-мусульман» военному деятелю А.-Ф. Ас-Сиси.

На тот момент сторонники «Братьев-мусульман» не поддавались комплексной количественной оценке, представляя собой репрессируемый в течение многих десятилетий сегмент общества, состоящий не только из представителей архаичной сельской среды, но и городской высокообразованной (всего в Египте сельского населения 52 млн. чел. [12] и 32,7 млн. чел. городского). Поэтому основанная еще в 1928 г. религиозно-политическая ассоциация «Братья-мусульмане» пребывала долгое время в рецессивном (подпольном) состоянии до прихода к власти М. Мурси.

В этот самый период подавляющее большинство медиа-источников отражали исключительно выгодную правящему (военному) режиму позицию, оправдывая все «борьбой с терроризмом» [13], объявленной на территории арабской республики. Террористами были названы «Братья-мусульмане», что спровоцировало настоящую гражданскую войну с активным участием египетских военных.

В ходе эскалации политической нестабильности в Египте в 2013 г. были зафиксированы многочисленные погромы коптских церквей, храмов, школ, магазинов и сиротских приютов. Силовой разгон лагерей сторонников М. Мурси вызвал шквальную реакцию в форме многочисленных протестов исламистов и им сочувствующих по всей территории Египта, в результате чего насилию на религиозной почве подверглись свыше 42 христианских объектов. Это свидетельствует о масштабности протестов в североафриканском государстве и перерастанию в устойчивый межконфессиональный конфликт. Религиозный фактор сыграл немаловажную роль в формировании протестного пика летом того же года и эскалации политической нестабильности в Египте, так как переворот был организован военными и буквально сразу снискал одобрение у представителей коптской церкви (открыто был поддержан Тавадосом II).

Столь массовые протесты и столкновения были сконцентрированы преимущественно в крупнейших городах Египта, что привлекло внимание не только журналистов, но и аналитиков, на чьих мнения впоследствии выстраивались оценки количества протестующих. В компанию Google был направлен запрос о количестве сторонников свергнутого в июле 2013 г. президента Мурси и их оппонентов. Несмотря на функцию отслеживания перемещения людей с помощью спутников, представители Google всячески отрицали физическую возможность подсчета участников протестов.

Благодаря электронной базе данных GDELT [14], регулярно обновляемой с 1 января 1979 г., можно проследить логику распространения нестабильности после переворота в Египте на примере короткого периода с 9 по 17 августа 2013 г., что отражено на рисунке 1. Данные временные рамки позволяют на практике проверить взаимосвязь между протестом и эскалацией насилия, рассмотренную Р. Хонг-а-Пином.

Рис. 1. Протестные действия и распространение насилия в период с 9 по 17 августа 2013 г. в Арабской республике Египет [14].

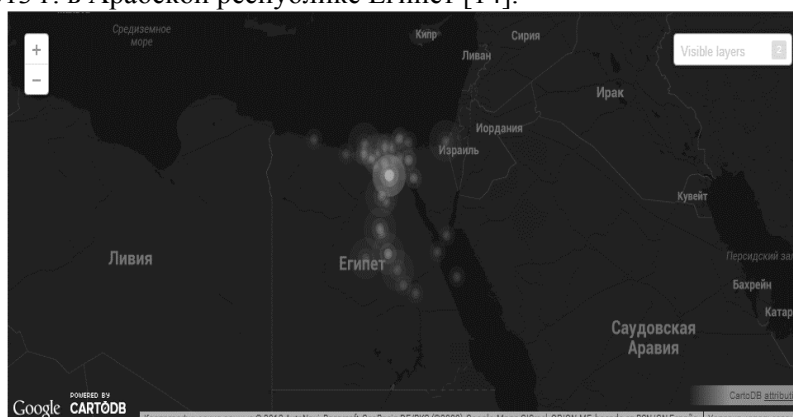
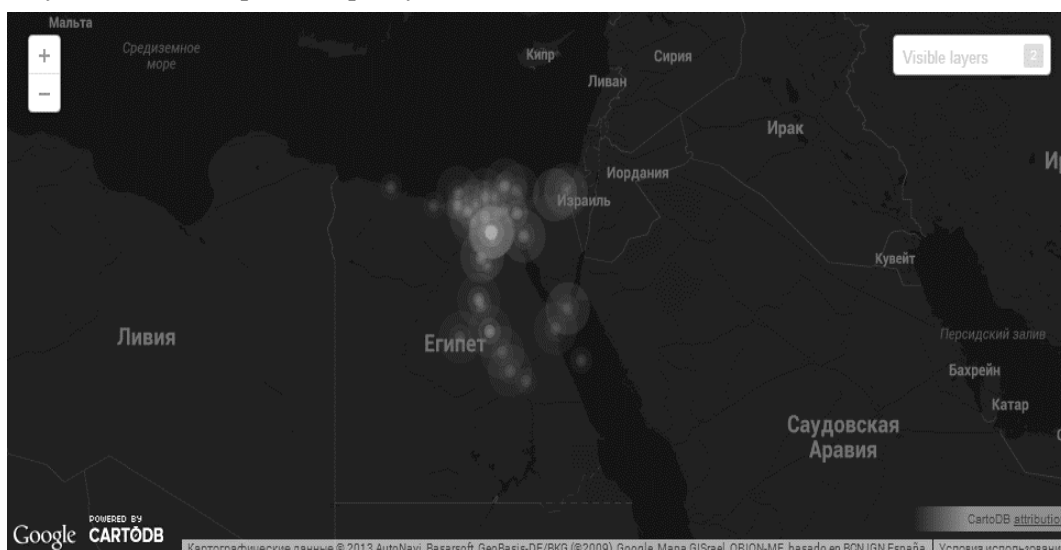

Рисунок 1 показывает местоположение и интенсивность протестов (ареалы) в египетских событиях лета 2013 г., а также случаи осуществления насилия против гражданских лиц. На карте заметно распределение протестов вдоль реки Нил, где в крупных городах были сконцентрированы наиболее массовые протесты. Благодаря этой функции стало известно, что наиболее крупные протесты происходили вдоль реки Нил. В речной дельте Египта отмечались незначительные протестные акции по количеству участников. Это обусловлено большим количеством населенных пунктов, расположенных в Нижнем Египте.

Подобная карта протестов имеет свои очевидные ограничения: без сведений качественного характера невозможно дифференцировать участников массовых манифестаций по их политическим предпочтениям, поскольку фиолетовые и желтые ареалы включают как сторонников свергнутого президента М. Мурси, так и их оппонентов.

Рисунок 2 демонстрирует протестные акции в совокупности с реакцией на них со стороны военных и полицейских. На карте показано, в каких регионах Арабской республики военные и полицейские ответили насилием на насилие или вообще не ответили на протесты. В частности, силовые методы применялись на юге и севере Синайского полуострова, где, как сообщалось, вследствие отстранения от власти М. Мурси были зафиксированы террористические атаки со стороны исламистов [15].

Рис. 2. Протестные действия и реакция полиции и армии в период с 9 по 17 августа 2013 г. в Арабской республике Египет [14].

Однако, несмотря на объявленную правительством Египта «войну с террором», фактически легализовавшую применение насилия против сторонников М. Мурси, членов «Братьев-мусульман» и им сочувствующих, на Синайском полуострове была зафиксирована минимальная плотность акций протеста. Вероятно, это обусловлено туристическим сектором преимущественно на юге полуострова и сравнительно малой заселенностью самого Синая (422 тыс. чел. на 27,5 тыс. км² [16]).

Учитывая особенность социально-политических условий, сформировавшихся задолго до военного переворота 3 июля 2013 г. в Египте, столь масштабные протесты стали их естественным следствием. При этом сам военный переворот продемонстрировал раскол египетского общества, невозможность гомогенизации элит ни на общности интересов, ни на основе политического ислама. В то время как египетские военные осуществляли силовой разгон протестующих, а власть в стране захватили военные, внимание с действительно разворачивающейся крупномасштабной войны в Сирии было оттянуто. Именно эта характеристика массовых протестов в современном мире крайне востребована политическим обществом – с их помощью возможно легко перефокусировать внимание мирового сообщества с наиболее важных событий на события менее значимые.

«Миллионный» митинг в поддержку мусульман Мьянмы в Чечне в 2017 г.: сброс протестного потенциала. Если массовые протесты в Египте 2013 г. являются классическим индикатором разрастания политической нестабильности, то митинг в Грозном в поддержку мусульман Мьянмы 4 сентября 2017 г. представляет собой типичный пример ритуализации политической агрессии [17], в данном случае – инструмент снижения социальной напряженности в Чеченской Республике и прилегающих к ней территориях.

Несмотря на тот факт, что конфликт между буддистами и мусульманами в Мьянме длится уже почти два столетия (с 1826 г.), в России эти события не находили практически никакой информационной поддержки. Ситуация изменилась коренным образом, когда проблема солидарности с притесняемыми (репресслируемым населением азиатского государства) оказалась востребованной в российском обществе в 2017 г. Совершенно другой резонанс этот вопрос получил после того, как московские мусульмане во главе с имамом Соборной мечети И. Аляутдиновым осторожно отнеслись к идее организовать несанкционированный митинг у посольства Мьянмы в Москве 3 сентября 2017 г.

Аналогичная ситуация произошла в соседней с Чечней республике – Дагестане, где 3 сентября 2017 г. также была предпринята попытка проведения несанкционированного митинга в поддержку мусульман Мьянмы. Политически и религиозно неоднородный социум Дагестана иначе воспринял эту идею: муфтият республики решительно отверг возможность реализации подобной акции в столице Дагестана. Вместо этого в День солидарности по борьбе с терроризмом (3 сентября) на площади Ленина г. Махачкалы состоялась антитеррористическая акция, приуроченная к трагическим событиям 9 мая 2002 г. (теракт в Каспийске) [18] и 13-й годовщине трагедии в Беслане [19]. По замыслу организаторов махачкалинского митинга в поддержку мусульман Мьянмы, их должны были поддержать участники санкционированного антитеррористического митинга [20].

Столичная площадь Ленина стала собирать участников антитеррористического митинга, к которым впоследствии присоединились участники акции в поддержку мусульман Мьянмы. Доступ к площади оказался блокирован силовыми структурами. Это привело к трансформации пространства акции: с митинга на городской площади в массовое шествие от Русского драмтеатра к бульвару Сулеймана Стальского. Участники акции в поддержку мусульман Мьянмы не смогли привлечь должное внимание со стороны местных СМИ, завершив мероприятие коллективной молитвой во дворе Центральной Джума-мечети Махачкалы. По различным оценкам, число митингующих достигало двух тысяч человек [19].

В этой связи следует указать на отрицательную реакцию Духовного управления мусульман Республики Дагестан (ДУМД), выраженную в виде призыва «не делать каких-то выводов, исходя лишь из информационного потока в социальных сетях и отдельно взятых заявлениях, в силу недостоверности информации» и «не поддаваться на провокации, удалить непонятного происхождения видео- и фотоматериалы и не создавать истерию в соцсетях» [19]. Превентивные меры ДУМД, с одной стороны, существенно повлияли на сокращение количества участников несанкционированного митинга в Махачкале, а с другой – стали катализатором участия многих жителей Дагестана в митинге на площади в Грозном.

Нерешительность московских мусульман была обращена в пользу главы Чечни Р. Кадырова, заявившего о проведении митинга у одного из сакральных символов городского пространства Грозного – мечети «Сердце Чечни», религиозный смысл которого необходимо было закрепить в публичном дискурсе посредством масштабного события [21]. Кадыров продемонстрировал политическую

независимость от Москвы, не согласившись не только с официальной позицией руководства России по ситуации в Мьянме, но и выразив слова благодарности президенту Турции Р.Т. Эрдогану за поддержку мусульман азиатской страны [22].

Митинг состоялся 4 сентября 2017 г. и собрал (по официальным данным) более 1,1 млн. человек, что превышает количество населения Грозного в три раза. В действительности же неизвестно, сколько человек на самом деле вышло на грозненские улицы. Согласно данным британского интернет-издания «Independent», в Грозном были заметны немногим более 30 тыс. человек [23]. Однако митинг смог привлечь сочувствующих единоверцев из соседних республик, в частности, из Дагестана.

Как и в случае с массовыми протестами в Египте летом 2013 г., в чеченском митинге ключевую роль сыграли социальные сети, благодаря которым информация о планирующейся акции распространилась мгновенно. Жителей республики созывали на митинг посредством разосланного в WhatsApp видео, «в котором муфтий Чечни Салах-хаджи Межиев призывал сограждан выйти на акцию протеста. Это обращение также транслировалось в эфире чеченской государственной телерадиокомпании «Грозный» [24].

Скоординированный правительством Чечни митинг был обеспечен максимальной явкой участников практически из всех районов республики. Согласно справке «Кавказского узла», «из муниципалитетов людей везли автобусами, а на митинге каждый район обозначал себя большим транспарантом с названием. Причем плакаты, которые были в руках у людей, были выданы прямо у места проведения митинга» [25].

Важным элементом окончания массового мероприятия в Грозном стала коллективная молитва. Подхватив религиозную риторику на митинге, Кадыров и его ближайшее окружение смогли эмоционально сплотить чеченское общество вокруг проблемы притеснения мусульман Мьянмы. Тем самым Кадыров выступил не только в роли руководителя одного из субъектов Российской Федерации, но также (и прежде всего) в роли лидера всех российских мусульман. Одним из доказательств этого тезиса служит принятое на митинге обращение к президенту РФ с призывом использовать свой авторитет и влияние, чтобы остановить «геноцид мусульман» в Мьянме.

Своими действиями Р. Кадыров формирует центр (как минимум в медийной среде) не только северокавказского, но и общероссийского мусульманского сообщества, заключив его в символическое пространство послевоенного Грозного. Отсутствие политической и религиозной поддержки аналогичного митинга в Махачкале со стороны дагестанских властей и муфтията только способствовали укреплению позиций чеченского лидера как одной из ключевых фигур региональной политики. Это также позволило отчасти снизить социальную напряженность на религиозной почве в Дагестане: не добившись поддержки республиканских властей и освещения в СМИ, наиболее активные протестующие приняли участие в митинге на территории Чечни 4 сентября 2017 г.

Заключение. Провальное политическое восхождение религиозно-политической группы «Братья-мусульмане» в 2012–13 гг., долго пребывавшей в подполье, не

смогло консолидировать расколовшееся египетское общество с помощью исламского фактора. Напротив, ситуацией общественной разрозненности воспользовались военные, в результате чего произошел государственный переворот, а массовые протесты были подавлены с помощью силовых методов.

Эффективная мобилизация населения Чечни в сентябре 2017 г. позволила осуществить сброс протестного потенциала в северокавказском регионе незадолго до президентских выборов в марте 2018 г., тем самым ослабив социальную напряженность в регионе. Учитывая «воюющий» характер кавказского общества, подобный митинг приобрел видимый неполитический смысл. Вопрос преследования мусульман Мьянмы смог объединить моноэтничное население Чечни и ближайших республик не на политической, а на религиозной почве, одновременно дав возможность Кадырову решить политические задачи с помощью исламской риторики.

В ряде массовых акций во многих государствах мира в поддержку мусульман Мьянмы знаковым и самым массовым стал именно митинг в чеченской столице. Если в случае с египетскими протестами лета 2013 г. интерес международного сообщества был переориентирован с государственного переворота, осуществленного на фоне объявленной «войны с терроризмом», то в ситуации с митингом в Грозном все внимание было отвлечено с нежелания столичных мусульман идти вразрез с официальной позицией Москвы по Мьянме. Таким образом, глава Чечни показал, что у него «есть свое видение, своя позиция» [26].

В обоих рассматриваемых случаях проявление протестной активности мусульман свидетельствует о базисных процессах, характерных для Египта и Северного Кавказа в целом. Если для североафриканской республики отстранение от власти М. Мурси ознаменовало крах идеи политического ислама в лице «Братьев-мусульман», вызревавшего с 30-х гг. XX в., то северокавказская республика только начинает сталкиваться с усилением политического ислама. При этом полноценная интеграция (под руководством авторитарного лидера) в мировую исламскую умму для Чечни открывает перспективу широкой политической и финансовой поддержки стран исламского мира. К началу перестройки традиционный ислам в Чечне оказался неэффективным инструментом урегулирования многих вопросов правового, политического, экономического, социального и культурного характеров. «Влияние политического ислама нарастает, и это продолжает модифицировать идейно-политические практики» Северного Кавказа [27].

Говоря о социальном протесте как об индикаторе политической нестабильности, важно учитывать его широко используемую роль *vice versa*, заключающуюся в сбросе протестного потенциала, что особенно характерно для сложных традиционных обществ с сильной взаимосвязью между политикой и религией.

Список литературы

1. Lipsky M. Protest as a Political Resource // *American Political Science Review*. – 1968. – Vol. 62. – №4. – P. 1144–1158.
2. McLeod D. M. Communicating Deviance: The Effects of Television News Coverage of Social Protest // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. – 1995. – Vol. 39. – №1. – P. 4–19.
3. Горюшина Е. М. Гуманитарные технологии политической нестабильности (на примере Египта и Украины, 2012–2014 гг.) // *Вестник Южного научного центра*. – 2015. – Т. 11(1). – С. 95–104.
4. Butkiewicz J. L., Yanikkaya H. The Impact of Sociopolitical Instability on Economic growth: Analysis and Implications // *Journal of Policy Modeling*. – 2005. – Vol. 27. – №5. – P. 629–645.
5. Jong-A-Pin R. On the Measurement of Political Instability and its Impact on Economic Growth // *European Journal of Political Economy*. – 2009. – Vol. 25. – №1. – P. 15–29.
6. Sanders D. *Patterns of Political Instability*. – London: Macmillan Press, 1981. – 244 p.
7. Carmignani F. 2003. Political Instability, Uncertainty and Economics // *Journal of Economic Surveys*. – 2003. – Vol. 17 (1). – P. 1–54.
8. *The Journey to Tahrir: Revolution, Protest, and Social Change in Egypt*. – London: Verso Books, 2012. – 320 p.
9. A Labor Market Assessment of Post-revolution Egypt. Opportunities and Challenges for the Future. January 2012–March 2013. URL: http://www.mastercardfdn.org/wp-content/uploads/Egypt@Work-LMA.Eng_.pdf (Дата обращения: 04.04.2018)
10. Egypt Foreign Exchange Reserves 2003–2018. URL: <https://tradingeconomics.com/egypt/foreign-exchange-reserves> (Дата обращения: 06.04.2018)
11. Egypt – Population 2013. URL: <https://countryeconomy.com/demography/population/egypt?year=2013> (Дата обращения: 06.04.2018)
12. Egypt – Rural population. Index Mundi. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/egypt/rural-population> (Дата обращения: 06.04.2018)
13. Egypt's 'war on terror' throwing political transition off course. URL: <https://www.pri.org/stories/2013-10-09/egypts-war-terror-throwing-political-transition-course> (Дата обращения: 07.04.2018)
14. The GDELT Project. URL: <https://www.gdeltproject.org/> (Дата обращения: 07.04.2018)
15. Egypt Reports Gains Against Militants in Sinai. URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/16/world/middleeast/egypts-military-claims-gains-against-militants-in-sinai.html> (Дата обращения: 09.06.2018)
16. Official Website of North Sinai. URL: <http://www.northsinai.gov.eg/home.aspx> (Дата обращения: 07.04.2018)
17. Поцелуев С. П. Ритуал как средство управления политической агрессией: формы, стратегии, случаи // *Идеи и ценности в политике. Политическая наука: Ежегодник 2015*. – М.: Политическая энциклопедия. – 2015. – С. 99–121.
18. В День солидарности в борьбе с терроризмом в Дагестане почтили память жертв терактов. URL: https://www.mkala.ru/info/news/2017/09/04/news_15437.html (Дата обращения: 16.05.2018)
19. Российские мусульмане вышли на улицу в поддержку единоверцев в Мьянме. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3401783> (Дата обращения: 16.05.2018)
20. Дагестан вышел на улицы городов в поддержку мусульман Мьянмы. URL: <https://riaderbent.ru/dagestan-vyshel-na-ulitsy-gorodov-v-podderzhku-musulman-myanmy.html> (Дата обращения: 01.06.2018)
21. Kowalewski D. The Protest Uses of Symbolic Politics: The Mobilization Functions of Protester Symbolic Resources // *Social Science Quarterly*. – 1980. – Vol. 61. – №1. – P. 95–113.
22. Кадыров заявил о готовности пойти против курса РФ ради мусульман в Мьянме. URL: <http://www.interfax.ru/russia/577624> (Дата обращения: 06.06.2018)
23. Chechen Muslims Take to the Streets in Solidarity with Burma's Rohingyas. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/chechen-muslims-street-protest-burma-rohingya-minority-massacre-persecution-russia-myanmar-a7928891.html> (Дата обращения: 07.04.2018)
24. Житель Чечни рассказал о призывах в WhatsApp поддержать мусульман Мьянмы. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59ad029a9a7947438908266b?from=newsfeed> (Дата обращения: 06.06.2018)

25. Жители Чечни пожаловались на принуждение к участию в массовом митинге. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/309022/> (Дата обращения: 07.06.2018)
26. Рамзан Кадыров готов выступить против позиции Москвы по Мьянме. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3402031> (Дата обращения: 16.05.2018)
27. Цветков О. М. Идеология и практика «политического ислама» на Северном Кавказе // Научное общество Кавказоведов, 27.03.2011. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/03/27/ideologija-i-praktika-politicheskogo-islama-na-kavkaze>. (Дата обращения: 04.06.2018).

Goryushina E. M., Potseluev S. P. Social protest – an indicator of political instability or a tool to reduce tension? // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 1. – P. 74–93.

Annotation. Social protest is often presented as an indicator of political instability. In this vein, it was studied by many researchers linking various factors in the formation of the protest potential. The article defines the main approaches to the study of protest as an integral component of the political instability development in the context of the second wave of mass protests in the Arab Republic of Egypt in 2013 supported by the Egyptian military. The forceful dispersal of sit-ins with supporters of M. Morsi caused a barrage of reaction in the form of numerous protests by Islamists and sympathizers throughout Egypt. The paper made the assumption of transforming the protest into an instrument for reducing tension which was considered in the mass rally in Grozny (Chechnya) against the persecution of Muslims in Myanmar. At the same time, an objective assessment of the number of participants in Egypt and Chechnya is very difficult. Both cases demonstrate opposing functions of protest, though in similar traditional societies with the dominant role of the religious factor. The mass protests in Egypt in 2013 are a classic indicator of the growth of political instability, then the rally in Grozny in support of the Myanmar Muslims on September 4, 2017 is a typical example of the ritualization of political aggression. As in the case of mass protests in Egypt in the summer of 2013, social networks and messaging apps played a key role in the Chechen rally to spread the word about the planned actions. In both examples, the protest served as a political tool that is used to distract the attention of the world community from the most important events to events of lesser significance.

Keywords: social protest, political instability, Egypt, Chechnya, social tensions, political Islam.

References

1. Lipsky M. Protest as a Political Resource. *American Political Science Review*, 1968. Vol. 62. №4, P. 1144–1158.
2. McLeod D. M. Communicating Deviance: The Effects of Television News Coverage of Social Protest. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 1995, Vol. 39, № 1, P. 4–19.
3. Goryushina E. M. Gumanitarnye tehnologii politicheskoy nestabil'nosti (na primere Egipta i Ukrainy, 2012–2014 gg.) [Humanitarian Technologies of Political Instability (on the Example of Egypt and Ukraine, 2012–2014)], *Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra [Bulletin of the Southern Scientific Center]*, 2015, Vol. 11, №1, P. 95–104.
4. Butkiewicz J. L., Yanikkaya H. The impact of Sociopolitical Instability on Economic Growth: Analysis and Implications. *Journal of Policy Modeling*, 2005, Vol. 27, no 5, P. 629–645.
5. Jong-A-Pin R. On the Measurement of Political Instability and its Impact on Economic growth. *European Journal of Political Economy*, 2009, Vol. 25, no 1, P. 15–29.
6. Sanders D. *Patterns of Political Instability*. London, Macmillan Press, 1981, 244 p.
7. Carmignani F. 2003. Political Instability, Uncertainty and Economics. *Journal of Economic Surveys*, 2003, Vol. 17 (1), P. 1–54.
8. *The Journey to Tahrir: Revolution, Protest, and Social Change in Egypt*. London, Verso Books, 2012, 320 p.
9. A Labor Market Assessment of Post-revolution Egypt. Opportunities and Challenges for the Future. January 2012–March 2013. URL: http://www.mastercardfdn.org/wp-content/uploads/Egypt@Work-LMA.Eng_.pdf (Accessed: 04 April 2018)

10. Egypt Foreign Exchange Reserves 2003–2018. URL: <https://tradingeconomics.com/egypt/foreign-exchange-reserves> (Accessed: 06 April 2018)
11. Egypt – Population 2013. URL: <https://countryeconomy.com/demography/population/egypt?year=2013> (Accessed: 06 April 2018)
12. Egypt – Rural population. Index Mundi. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/egypt/rural-population> (Accessed: 06 April 2018)
13. Egypt's 'war on terror' throwing political transition off course. URL: <https://www.pri.org/stories/2013-10-09/egypts-war-terror-throwing-political-transition-course> (Accessed: 07 April 2018)
14. The GDELT Project. URL: <https://www.gdeltproject.org/> (Accessed: 07.04.2018)
15. Egypt Reports Gains Against Militants in Sinai. URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/16/world/middleeast/egypts-military-claims-gains-against-militants-in-sinai.html> (Accessed: 09 June 2018)
16. Official Website of North Sinai. URL: <http://www.northsinai.gov.eg/home.aspx> (Accessed: 07 April 2018)
17. Potseluev S. P. Ritual kak sredstvo upravleniya politicheskoy agressiyey: formy, strategii, sluchai [Ritual as a Means of Managing Political Aggression: Forms, Strategies, Cases]. *Idei i cennosti v politike. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2015* [Ideas and Values in Politics. Political Science. Yearbook 2015], Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2015, P. 99–121.
18. V Den' solidarnosti v bor'be s terrorizmom v Dagestane počtili pamyat' zhertv teraktov [Day of Solidarity in Combating Terrorism Honored Memory of Victims of Terrorist Attacks in Dagestan]. URL: https://www.mkala.ru/info/news/2017/09/04/news_15437.html (Accessed 16 May 2018)
19. Rossijskie musul'mane vyshli na ulitsu v podderzhku edinoveritsev v M'yanme [Russian Muslims Took to the Streets in Support of Coreligionists in Myanmar]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3401783> (Accessed: 16 May 2018)
20. Dagestan vyshel na ulitsy gorodov v podderzhku musul'man M'yanmy [Dagestan Took to the Streets of the Cities in Support of the Myanmar Muslims]. URL: <https://riaderbent.ru/dagestan-vyshel-na-ulitsy-gorodov-v-podderzhku-musulman-myanmy.html> (Accessed: 01 May 2018)
21. Kowalewski D. The Protest Uses of Symbolic Politics: The Mobilization Functions of Protester Symbolic Resources. *Social Science Quarterly*, 1980, Vol. 61, №1, P. 95–113.
22. Kadyrov zayavil o gotovnosti pojti protiv kursa RF radi musul'man v M'yanme [Kadyrov Declared His Readiness to Go Ggains the Course of the Russian Federation for the Sake of Muslims in Myanmar]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3402031> (Accessed: 16 May 2018)
23. Chechen Muslims Take to the Streets in Solidarity with Burma's Rohingyas. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/chechen-muslims-street-protest-burma-rohingya-minority-massacre-persecution-russia-myanmar-a7928891.html> (Accessed: 07 April 2018)
24. Zhitel' Chechni rasskazal o prizyvakh v WhatsApp podderzhat' musul'man M'yanmy [A resident of Chechnya Told about Appeals in WhatsApp to Support Muslims of Myanmar]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59ad029a9a7947438908266b?from=newsfeed> (Accessed: 06 June 2018)
25. Zhiteli Chechni pozhalovalis' na prinuzhdenie k uchastiyu v massovom mitinge [Residents of Chechnya Complained of Coercion to Participate in a Mass Rally]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/309022/> (Accessed: 07 June 2018)
26. Ramzan Kadyrov gotov vystupit' protiv pozitsii Moskvy po M'yanme [Ramzan Kadyrov is Ready to Oppose Moscow's Position on Myanmar]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3402031> (Accessed: 16 May 2018)
27. Tsvetkov O. M. Ideologiya i praktika «politicheskogo islama» na Severnom Kavkaze [Ideology and Practice of "Political Islam" in the North Caucasus], *Scientific Society of Caucasians*, 27.03.2011. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2011/03/27/ideologija-i-praktika-politicheskogo-islama-na-kavkaze>. (Accessed: 04 June 2018).